

С. В. Белецкий

Древнерусская печать как текст¹

Основная функция печати – свидетельство достоверности скрепленного ею текста. Если була скрепляла документ, то по ней можно было определить, полномочен ли был владелец печати утвердить данный документ. Если же речь шла о переписке, то печать подтверждала происхождение послания, и по ней, следовательно, можно было определить, действительно ли послание исходит от того лица, на которое содержится указание в тексте. Следовательно, изобразительные символы и их комбинации на печатах можно рассматривать как своего рода язык – знаковую систему, чтение которой не должно было составлять труда для современников. Печати, как и любой другой вид исторических источников, требуют проведения источниковедческого исследования, включающего, как минимум, классификацию и систематизацию. Классификация предполагает выявление элементов, использовавшихся при оформлении печати, установления иерархии этих элементов и определение их смыслового значения в «языке печати». Задачей систематизации является выявление комбинаций известных элементов и проведение процедуры «чтения печати». Только детальная классификация и аргументированная систематизация печатей позволят дешифровать информацию, содержащуюся в сфрагистическом типе.

Ключевые слова: печать, графические символы, условные обозначения, классификация, систематизация, текст

Sergey V. Beletsky

Ancient Rus' seal as text

The main purpose of seal is to verify the authenticity of the text to which it is attached. If bulla verified a document, it should allow one to understand whether the seal's owner had the authority to confirm this document. In case of correspondence, seal confirmed the message's origin and, therefore, allowed one to discover whether the message came from the person mentioned in the text. Therefore, graphic symbols and their combinations on seals might be analysed as a kind of language, i. e. a system of signs easily readable by contemporaries. Like historical sources of any other kind, seals should be studied as particular source including at least their classification and systematization. Classification intends to uncover design elements of the seal, to place these elements as a hierarchy, and to determine their semantic in the «seal language». Systematization is aimed at the determination of the combination of known elements and at the procedure of the «reading the seal». Detailed classification in the only way to decipher the information contained in the sigillographic type.

Keywords: seal, graphic symbols, legend, classification, systematization, text

Памятники сфрагистики – чрезвычайно «опасный» источник. В первом приближении кажется, что содержащаяся в печати информация лежит на поверхности, и использование этой информации требует от исследователя лишь общеис-

торической эрудиции. Аргіорі исследователи памятников русской сфрагистики убеждены в том, что место находки печати в подавляющем большинстве случаев совпадает с местом скрепления документа этой печатью, то есть – с резиденцией владельца печати. Совпадение же имени владельца печати с именем исторического персонажа, имеющего отношение к населенному пункту, из которого происходит печать, оказывается, зачастую, решающим при персонификации печати. Вероятно, именно поэтому исследователи допускают, что представители разных институтов власти могли использовать одинаково оформленные печати, а одинаковые изобразительные символы на печатях могли нести различную смысловую нагрузку².

Мне представляется это принципиально неверным.

Основная функция печати – свидетельство достоверности скрепленного ею текста. Если булла скрепляла документ, то по ней можно было определить, полномочен ли был владелец печати утвердить данный документ. Если же речь шла о переписке, то печать подтверждала происхождение послания, и по ней, следовательно, можно было определить, действительно ли послание исходит от того лица, на которое содержится указание в тексте.

Следовательно, изобразительные символы и их комбинации на печатях можно рассматривать как своего рода язык– знаковую систему, чтение которой не должно было составлять труда для современников.

Но, в таком случае, за одними и теми же изобразительными символами на печатях должна была быть скрыта однородная информация, а сфрагистические регалии, оформленные путем комбинации одинаковых символов, не могли использоваться различными властными структурами. В противном случае терялась возможность определить по печати достоверность скрепленного ею текста. Иными словами, одинаково оформленные печати, в принципе не могли принадлежать представителям различных институтов власти.

Ключ к выявлению скрытой в древнерусских печатях информации был найден Н. П. Лихачевым. Сопоставив изображения на печатях, сохранившихся при документах, со сведениями о владельцах печатей, содержащихся в тексте этих документов, исследователь установил, что изображение святого на печати обозначает крестильное имя³.

Следующим шагом должно было стать выявление смыслового значения других изобразительных символов на древнерусских печатях. К сожалению, завершить свое исследование Н. П. Лихачев не успел.

Древнерусская сфрагистическая символика ограничена двенадцатью изобразительными символами.

1. Изображение Христа;
2. Изображение креста;
3. Изображение Богоматери;

4. Изображение композиции на тему церковного праздника;
5. Изображение святого;
6. Изображение парных святых;
7. Изображение «эмблемы»;
8. Изображение «правителя»;
9. Изображение «розетки»;
10. Буква;
11. Группа точек;
12. «Личина» (схематическое изображение человеческого лица).

Кроме того, одна или обе стороны печати могли быть заняты надписью – легендой. И если легенда на печати в прямой речевой форме передает информацию, заложенную в сфрагистический тип, то изобразительные элементы передают информацию в скрытой форме.

Изображение Христа зафиксировано на печатях русских князей XI–XIV в., носивших титул «великий»⁴, встречено на печатях новгородских посадников XIV–XV вв.⁵, на вечевых печатях Новгорода XIII–XV вв.⁶, а также на печати новгородского архиепископа XV в.⁷ Очевидно, что этот изобразительный символ не принадлежал какой-то одной, сравнительно однородной группе лиц, будь то князя, посадники или же иерархи церкви: единственной общей чертой, присущей властным полномочиям перечисленных лиц является суверенный характер власти. В таком случае, изображение Христа могло обозначать «власть от Бога», которой обладал владетель печати.

Изображение креста встречено на печатях князя⁸, новгородских архиепископов⁹, псковского веча¹⁰, а также новгородских чиновников, осуществлявших управление в удаленных районах Новгородской земли – в Ладог¹¹, Новом Торгу¹², на Двине¹³ и в Обонежье¹⁴. Таким образом, изображение креста оказывается характерным для сфрагистических регалий, принадлежавших лицам, располагавшим различными полномочиями (князя, иерархи церкви, светские и владычные чиновники разного уровня). Вполне вероятным представляется, поэтому, что в древнерусской сфрагистике смысловое значение изображения креста было шире смыслового значения изображения Христа¹⁵. Общим для всех перечисленных категорий владельцев печатей с изображением креста являются обладание властными полномочиями, не требовавшими при принятии решения дополнительных консультаций с вышестоящими органами власти. Иными словами, речь может идти как о суверенной, так и об автономной власти. Полагаю поэтому, что в древнерусской сфрагистике изображение креста обозначало именно автономный характер власти, которой располагали владельцы печатей.

Изображение Богоматери на древнерусских печатях является, прежде всего, признаком принадлежности владельца к числу лиц, связанных с церковью¹⁶. Очевидно, смысловым значением изображения являлось указание на то, что власт-

ные полномочия держателя буллотирия были связаны с церковью. Как будто бы, единственным исключением является помещение изображения Богоматери на так называемых «Троицких печатях» Пскова XV в.¹⁷

Изображение композиции зафиксировано на монастырских печатях и печатях, владельцы которых осуществляли свою деятельность от лица городской святыни¹⁸. Таким образом, изображение композиции на тему церковного праздника может быть интерпретировано в качестве символа «святыни» – храма или монастыря соответствующего посвящения.

Изображение святого, как это было установлено еще Н. П. Лихачевым, символизировало на древнерусских печатях крестильное имя. Однако изображение святого на печати могло также символизировать и святыню – храм или монастырь¹⁹.

Изображение парных святых на одной из сторон печати не может рассматриваться в качестве символического обозначения крестильного имени одного лица, поскольку обозначить одно имя изображениями двух святых в принципе невозможно. Теоретически такой изобразительный прием мог быть использован при оформлении сфрагистической регалии, общей для двух владельцев. Однако, обращает на себя внимание решительное преобладание среди подобных изображений так называемых «парных святых» – свв. Борис и Глеб, Козма и Дамиан, Петр и Павел и др.²⁰ Возможное истолкование такого изобразительного символа – передача сведений о храме или монастыре (Борисоглебский, Козмодемьянский, Петропавловский и др.).

Изображение «эмблемы» является одним из древнейших в русской сфрагистике: княжеские знаки были изображены на печатях X в.²¹ Однако затем наступил полуторастолетний перерыв, и вновь изображения княжеских знаков появились на древнерусских печатях и пломбах только в XII в.²² В середине XIII в. княжеские знаки исчезают из обихода²³, но зато с этого времени на русских печатях появляются эмблемы индивидуальных типов – хищники, всадники, воины, птицы, фантастические животные. Очевидно, что печати с изображениями эмблем принадлежали лицам, обладавшим полномочиями в пределах той территории и / или той области права, на которые распространялась власть владельца эмблемы. Иными словами, изображение эмблемы можно рассматривать в качестве символа территориально ограниченного правового пространства.

«Портретное» изображение – символ, редко встречающийся в памятниках древнерусской сфрагистики²⁴. Несмотря на условность и схематичность изображений очевидно, что на печатях они символизировали самого владельца печати.

Изображения «розетки» – наименее представительный в древнерусской сфрагистике изобразительный символ: известные в настоящее время печати с такими изображениями²⁵ традиционно приписываются одному и тому же владельцу – князю Изяславу Ярославичу (†1078). Однако известны пломбы XII–XIII вв.

с изображением розетки и княжеского знака²⁶ и с изображением розетки и святого²⁷, так что связывать розетку исключительно со сфрагистикой Изяслава Ярославича, как будто бы, не приходится.

Решить проблему, как кажется, позволяет костяная двусторонняя печать-матрица из раскопок Саркела – Белой Вежи. На одной ее стороне помещено изображение княжеского двузубца, а на другой – изображение розетки. Помещение на одном костяном кружке одновременно двух матриц свидетельствует о том, что в X в. оба изображения входили в число символов княжеской власти на Руси. Велик соблазн предположить, что розетка, расцениваемая исследователями в качестве солярного символа²⁸, в дохристианский период истории Руси обозначала суверенный характер властных полномочий владельца печати. В таком случае, изображение розетки было синонимичным изображению Христа и стадильно предшествовало ему.

Буква. Группа точек. «Личина». Три последних изобразительных символа – буква кириллического алфавита, группа точек и «личина» – зафиксированы практически исключительно на пломбах. Значение этих символов мне пока не ясно.

Изложенные соображения для удобства сведены в таблицу (табл. 1). Заметим, что более половины изобразительных символов появляются на русских печатях в XI–XII в., и сохраняются, по крайней мере, до XV–XVI в. и даже позднее. Таким образом, именно в домонгольское время складывается «язык» древнерусской сфрагистики, то есть – те приемы передачи информации, которые использовались при оформлении русских средневековых печатей.

Таблица 1

Значение изобразительных символов на древнерусских печатях

Символ	Хронология	Значение
1. Изображение Христа	XI–XV вв.	Суверенная власть
2. Изображение креста	XI–XV вв.	Автономная власть
3. Изображение Богоматери.	XI–XVI вв.	Церковь
4. Изображение композиции	XII–XVI вв.	Святыня
5. Изображение святого	XI–XVI вв.	Крестильное имя или святыня
6. Изображение «парных» святых	XII–XV вв.	Святыня
7. Изображение эмблемы	X–XVI вв.	Полномочия в пределах территориально ограниченного правового пространства

Раздел II. Память и памятники как объекты музеефикации

8. Изображение «правителя»	XI в.	Правитель
9. Изображение розетки	X–XI в.	Верховная власть
10. Буква	XII–XIII вв.	Не установлено
11. Группа точек	XII–XIII вв.	Не установлено
12. «Личина»	XII–XIII вв.	Не установлено

Важнейшей функцией печатей было свидетельствование правомочности совершенного юридического действия. Поэтому печать должна была нести одновременно и юридическую и персональную информацию. Иными словами, при создании печати в ее оформлении должны были учитываться сведения о полномочиях, которыми обладал владелец печати и сведения о личности владельца.

Сопоставляя разновременные памятники сфрагистики между собой необходимо сравнивать сравнимое: лицевые стороны должны сопоставляться с лицевыми, а оборотные – с оборотными. Несоблюдение этого правила чревато ошибками уже на стадии предварительной группировки булл, когда закладывается фундамент для выявления исторической информативности сфрагистических памятников. За лицевую сторону буллы, на мой взгляд, следует принимать ту ее сторону, на которой помещена информация о властных полномочиях владельца печати, а за оборотную – ту сторону, на которой помещены сведения о личности владельца печати.

Из девяти изобразительных элементов четыре – изображения Христа, креста, Богоматери и «розетки» – не могли нести персональной информации, так что эти изображения, очевидно, помещались на аверсе печати. Остальные элементы могли нести как юридическую, так и персональную информацию.

Сочетания изобразительных элементов, использованных при оформлении печатей и пломб, позволяют сгруппировать известные памятники древнерусской сфрагистики в 40 разрядов, объединенных в 11 классов (табл. 2). В классы печати и пломбы объединены по изображению, помещенному на аверсе, а в разряды – по сочетанию изображений на аверсе и реверсе. Каждый из разрядов объединяет сходно оформленные сфрагистические типы (экземпляры, оттиснутые одной и той же парой матриц), так что печати и пломбы, отнесенные к одному разряду, должны были восприниматься как одинаковые по своему правовому статусу. Исключение составляют разряды I / 5, II / 5, III / 3, IV / 3, V / 2, VI / 2 и VIII / 2 – общим для которых является наличие на одной из сторон легенды. Легенды представлены также на некоторых буллах, несущих изобразительные символы на обеих сторонах, а разряд X / 1 составляют печати эпиграфического типа, изобразительные символы на которых отсутствуют.

Сфрагистические классы и разряды в Древней Руси

Класс / разряд	Печати	Пломбы
I / 1. Христос – Богоматерь	+	
I / 2. Христос – святой	+	
I / 3. Христос – «эмблема»	+	
I / 4. Христос – парные святые	+	
I / 5. Христос – легенда	+	
I / 6. Христос – «правитель»	+	
II / 1. Крест – Богоматерь	+	
II / 2. Крест – святой	+	+
II / 3. Крест – «композиция»	+	
II / 4. Крест – парные святые	+	
II / 5. Крест – легенда	+	
II / 6. Крест – крест		+
II / 7. Крест – эмблема		+
II / 8. Крест – буква		+
II / 9. Крест – группа точек		+
II / 10. Крест – личина		+
III / 1. Богоматерь – святой	+	
III / 2. Богоматерь – 2 святых	+	
III / 3. Богоматерь – легенда	+	
IV / 1. «Эмблема» – «эмблема»	+	+
IV / 2. «Эмблема» – святой	+	+

Раздел II. Память и памятники как объекты музеефикации

IV / 3. «Эмблема» – легенда	+	+
IV / 4. «Эмблема» – буква		+
IV / 5. Эмблема – группа точек		+
IV / 6. Эмблема – «личина»		+
V / 1. «Композиция» – святой	+	
V / 2. «Композиция» – легенда	+	
VI / 1. Святой – святой	+	+
VI / 2. Святой – легенда	+	
VI / 3. Святой – буква	+	+
VII / 1. Парные святые – святой	+	
VII / 2. Парные святые – парные святые	+	
VII / 3. Парные святые – легенда	+	
VIII / 1. «Правитель» – святой	+	
VIII / 2. «Правитель» – легенда	+	
IX / 1. «Розетка» – святой	+	
IX / 2. «Розетка» – «правитель»	+	
X / 1. Легенда – легенда	+	
XI / 1. Буква – личина		+
XI / 2. Буква – буква		+

Основное назначение легенды на печати в речевой форме передать информацию о принадлежности регалии и / или полномочиях держателя буллотирия. Несмотря на значительное разнообразие легенд на древнерусских печатях, подавляющее большинство их представляет собой стереотипные формулы благопожелания, указания или принадлежности.

Формулы благопожелания. Легенды, содержащие эту формулу, могли быть написаны по-гречески и по-русски. Тексты стандартны: «Господи, помози рабу своему...», «Спаси, Господи, раба своего...», «Воззри на меня...» и различаются

только именами, включенными в легенду, и наличием или отсутствием указания на статус владельца печати – титулы князей, церковных иерархов и высокопоставленных чиновников.

Формулы указания содержат имя либо имя и титул владельца печати; известны печати, легенда на которых содержит указание на святыню или властную структуру.

Формулы принадлежности наиболее разнообразны. Они обычно включают слово «печать» и содержат имя, имя и титул или же только титул владельца печати. Среди владельцев печатей известны князья и великие князья, великокняжеские тиуны, митрополиты, архиепископы, епископы и игумены, новгородские посадники и тысяцкие, сотский, новгородские тиуны и старосты, владычные и региональные наместники и др. Известны также печати с формулой принадлежности городу, городскому концу, «святыне». Отметим наличие на ряде печатей формулы двойной принадлежности. В некоторых легендах слово «печать» отсутствует.

Легенды индивидуальных типов. Наряду со стереотипными, на средневековых русских печатях встречаются и легенды индивидуальных типов: круговая надпись «**Все сѧ минѣтъ**» на аверсе печати в. кн. Дмитрия Ивановича (Донского); надпись «**Днѣслово**» на реверсе большой группе домонгольских печатей; легенда, содержащая информацию летописного характера («**Печать псковьска тогда и Перси свьршишь камень**»), легенды, содержащие даты и др. Каждая из легенд индивидуального типа требует особого комментария.

При наличии на печати легенды персонификация и атрибуция буллы во многих случаях (хотя далеко не всегда) упрощаются. Но для печатей, лишенных легенды, дешифровка информации, заложенной в сфрагистический тип, представляет существенную трудность. Для того, чтобы установить, кому именно могла принадлежать печать, утратившая связь с документом, следует установить, какой из изобразительных элементов, составляющих сфрагистический тип, является символом властных полномочий держателя буллотирия, а какой – указывает на личность держателя буллотирия. Иными словами, требуется определить порядок и процедуру чтения печати. Но предварительно надо определить место печати среди известного сфрагистического материала, установить хронологию использования печати в делопроизводстве, выявить географию распространения печатей данного типа и разряда. И только затем возможно прочтение печати, то есть – выявление возможных вариантов истолкования сочетания элементов, использованных при оформлении сфрагистического типа и выбор среди этих вариантов наиболее вероятного. Без этого система исторических построений сведется к «цепочке наведений». Напомню, что это определение, употреблявшееся Н. П. Лихачевым, обозначает систему доказательств, при котором каждая новая гипотеза опирается на сумму предыдущих гипотез, которые, по умолчанию, принимаются за установленные факты.

Попробую подвести итоги сказанному. Печати, как и любой другой вид исторических источников, требуют проведения источниковедческого исследования, включающего, как минимум, классификацию и систематизацию. Классификация предполагает выявление элементов, использовавшихся при оформлении печати, установления иерархии этих элементов и определение их смыслового значения в «языке печати». Задачей систематизации является выявление комбинаций известных элементов и проведение процедуры «чтения печати». Только детальная классификация и аргументированная систематизация печатей позволят дешифровать информацию, содержащуюся в сфрагистическом типе. Пренебрежение источниковедческим этапом в изучении актовых печатей чревато ошибками уже на стадии предварительной группировки булл, когда закладывается фундамент для выявления исторической информативности средневековых печатей.

Примечания

¹ Перевод на русский язык статьи: Beletsky S. Ancient Rus' seal as text // *Byzantine and Rus' Seals: Proc. Intern. Colloquium on Rus'-Byzantine Sigilligraphy*. 13–16 Sept. 2013. Kyiv, 2015. P. 235–244.

² Приведу несколько примеров. Печати с изображениями святых на обеих сторонах, как установил еще Н. П. Лихачев, принадлежали князьям (Лихачев Н. П. *Материалы для истории византийской и русской сфрагистики*. Л., 1928. Вып. 1. С. 71–89). Но печать № 225 Корпуса актовых печатей древней Руси, на которой помещены изображения свв. Василия и Лазаря, В. Л. Янин персонифицировал переяславскому епископу Лазарю, считая изображение св. Василия символизирующим имя князя Владимира-Василия Мономаха (Янин В. Л. *Актовые печати древней Руси X–XV вв.* М., 1970. Т. 1. С. 129, 148). Печати с благопожелательной формулой «Господи, помози» и изображением святого, тезоименитого владельцу, принадлежали князьям (Лихачев Н. П. *Материалы для истории*. С. 103–134), но часть этих печатей Янин персонифицировал новгородским посадникам (Янин В. Л. *Указ. соч.* Т. 1. С. 72–73). Для печатей с изображениями Христа и святого, по мнению В. Л. Янина, «принципиальная атрибуция... может быть установлена по-разному для разных областей». В Новгороде «тип мог быть... усвоен сфрагистикой посадников», в других местах «мог сохраняться в русле развития княжеской сфрагистики». В третьих областях «он был сфрагистическим представителем церковной власти» (Янин В. Л. *Указ. соч.* Т. 1. С. 153).

³ Лихачев Н. П. *Указ. соч.* С. 50–54.

⁴ Печати в кн. Михаила Ярославича (*Грамоты Великого Новгорода и Пскова*). М.; Л., 1949. № 10; Янин В. Л. *Указ. соч.* Т. 2. С. 162, № 396), Александра Михайловича (*Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. № 14; Янин В. Л. *Указ. соч.* С. 163, № 405), Ивана Даниловича Калиты (*Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* М.; Л., 1950. № 1; Лихачев Н. П. *Сфрагистический альбом: рукопись / Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН*. Ф. 35. Оп. 2. Д. 444. Табл. X, 4; Соболева Н. А. *Русские печати*. М., 1991. С. 147, № 2).

⁵ Печати новгородских посадников Александра Дворянинцева (Янин В. Л. 1970. № 580) и Андреяна Захарьинича (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 17; Янин В. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 197, № 581). Посадничья принадлежность печатей следует из текста легенды, персональная принадлежность аргументирована В. Л. Яниным.

⁶ «Печать Всего Новгорода» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 29; Янин В. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 220, № 705) и «Новгородская печать» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 56; Янин В. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 221, № 707).

⁷ Печать архиепископа Ионы Отенского (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 96; Янин В. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 178, № 475).

⁸ Печать князя Тимофея-Довмонта (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 331; Янин В. Л. Указ. соч. Т. 2, с. 220, № 798).

⁹ «Печать владычня» (Янин В. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 179, № 478); принадлежность печати определена по тексту легенды. Печать новгородского архиепископа Евфимия (Янин В. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 180, № 474 а); принадлежность печати определена по тексту легенды. Печати с изображениями креста и Богоматери сохранились при ряде новгородских грамот XIV–XV вв. (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 36, 70, 90, 95, 99, 252, 297–303, 318, 320, 328; Янин В. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 179, 181, 183–185, № 481, 493, 512, 515, 516, 518, 520); судя по месту прикрепления их к акту, они скрепляли документы от лица новгородского архиепископа.

¹⁰ Печать скрепляла грамоту Пскова Риге, составленную «от посадника Сидора... и от всех пльсковичь» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 332; Лихачев Н. П. Указ. соч. Табл. XII, 15; Янин В. Л. Вислые печати Пскова // Совет. археол. 1960, № 3. С. 253, № 50).

¹¹ Принадлежность печатей определена по тексту легенды (Янин В. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 186, № 522; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Указ. соч. Т. 3. М., 1998. С. 186, 187, № 521а, 522а, 522б, 522в, 522г, 522д).

¹² Принадлежность печатей определена по тексту легенды (Янин В. Л. Актовые печати. Т. 2. С. 186–188, № 323–325, 329).

¹³ Сохранились вместе с документами (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. 133, 135, 136, 143, 152, 153, 157, 160–163, 175–181, 183–186, 189–191, 193–197, 200–207, 216, 226, 230, 239–241, 254, 255, 257, 264; Янин В. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 189–194, № 338–568). В. Л. Янин полагает, что принадлежность ряда печатей конкретным документам перепутана в процессе хранения (Янин В. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 67–84), однако даже если эта путаница и произошла, печати в целом сохранили свою принадлежность двинским актам.

¹⁴ Сохранились при документах (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 296, 321; Янин В. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 195, № 569, 570).

¹⁵ Именно поэтому объединение в одну сфрагистическую группу печатей с изображениями Христа и печатей с изображением креста и последующее истолкование значения изображений «Христа и его символов» (Янин В. Л. Указ. соч. Т. 1. С. 150–153) представляется мне методически некорректным.

¹⁶ Кроме уже упомянутых печатей с изображениями креста и Богоматери (см. примеч. 7), это печати киевских (Янин В. Л. Указ. соч. Т. 1. С. 175, 176, № 45–51, 53) и московских (Соболева

Н. А. Указ. соч. С. 186, 187, № 150–154, 156) митрополитов, новгородских, полоцких, смоленского и суздальских епископов (Янин В. Л. Указ. соч. Т. 1. С. 176–178, № 54–57, 60, 63–64; Хорошкевич А. Л. Печати полоцких грамот XIV–XV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Т. 4. С. 133, рис. 12, 13; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Указ. соч. Т. 3. С. 220, № 802–803; Соболева Н. А. Указ. соч. С. 188–189, № 157, 161), новгородских и ростовских, архиепископов (Янин В. Л. Указ. соч. Т. 1. С. 177–178, № 58, 61–62; Янин В. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 174–178, № 454–472, 476–477; Соболева Н. А. Указ. соч. С. 188–189, № 158–159, 160, 162) и др. – вплоть до печатей первых российских патриархов Иова (Собрание Государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. С. 101, № 59), Филарета (Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. М., 1882. С. 45) и Питирима (Иванов П. И. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1858. № 214). Принципиальная принадлежность печатей определена по тексту легенды, а для печатей, сохранившихся при документах, подкреплена сведениями самих документов (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 6, 7, 8, 9, 11, 18, 29; Русско-ливонские акты, собранные К. Э. Напьерским, изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1868. № 6; Сапунов А. П. Река Западная Двина: ист.-геогр. обзор. Витебск, 1893. Вклейка между с. 276 и 277; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.: в 3 т. М., 1952. Т. 1. № 548а; Там же. Т. 2. № 97, 161, 174, 183, 234, 280, 291, 441, 474, 487; Собрание Государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. С. 51, 194, 302, 333, 403, 404, 473, № 30, 83, 121, 129, 145, 146, 172; Там же. Ч. 2. С. 101, № 59; Там же. Ч. 3. С. 295, № 74).

¹⁷ Белецкий С. В. Вечевые печати Пскова // Сфрагистика средневекового Пскова. СПб., 1994. Вып. 2. Здесь же основная библиография.

¹⁸ Композиция Благовещение на печати Благовещенского монастыря в Новгороде (Янин В. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 231, № 765); Изображение Ветхозаветной Троицы на печатях псковских наместников новгородского архиепископа (Лихачев Н. П. Печати Пскова // Совет. археол. 1960, № 3. С. 234, 235; Янин В. Л. Указ. соч. С. 254–256, № 61–68; Белецкий С. В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. СПб., 2001. Вып. 4. С. 133–135); изображение композиции Успение Богородицы на печати епископа Иосифа (при документе 1626 г.), кафедра которого находилась в Успенском соборе г. Владимира Волынского (Собрание Государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 3. С. 295, № 74).

¹⁹ Таковы, например, монастырские печати Новгорода XIV–XV вв., на которых изображение святого сопровождается легендой, содержащей формулу принадлежности печати святыне соответствующего посвящения (Янин В. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 230, 231, № 762–764, 767, 768).

²⁰ Янин В. Л. Указ. соч. Т. 1. С. 197, 200, 207, 209, 211, 213, № 156, 167, 207, 208, 217, 231, 243.

²¹ Там же. С. 166, № 1–2; Белецкий С. В. Указ. соч. С. 35, 36.

²² Белецкий С. В. Указ. соч. С. 64–66, 71–74.

²³ Н. П. Лихачев подчеркивал, что «в древней Руси до-монгольского периода происходил

тот же процесс, что и в соседней Польше... В то время как развитие европейской геральдики в XIII в. оказывало могучее влияние на такие славянские земли, как Чехия и Польша, монгольское иго принизило Русь, отрезало ее от Европы и уничтожило зарождавшееся течение» (Лихачев Н. П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Л., 1930. Вып. 2. С. 266; см. также: Белецкий С. В. Н. П. Лихачев о древнерусских княжеских знаках и древнейшей русской геральдике // Историческое источниковедение и проблемы вспомогательных исторических дисциплин. СПб., 2002. С. 11–14).

²⁴ Янин В. Л. Указ. соч. Т. 1. С. 167, 168, 189–190, № 4, 5, 10–13, 116; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Указ. соч. Т. 3. С. 113, 114, № 2а, 2б, 9б, 10а, 12а 13а, 13б.

²⁵ Янин В. Л. Указ. соч. Т. 1. С. 167, № 4–9.

²⁶ Лихачев Н. П. Указ. соч. Табл. 25, 29.

²⁷ Лихачев Н. П. Указ. соч. Табл. 31, 15; Подобные пломбы есть также в коллекции киевского историка А. А. Алферова (№ 1011–1014), которому я искренне благодарен за возможность познакомиться с коллекцией.

²⁸ Гордиенко Э. А. Розетка на печатях князя Изяслава Ярославича // История и культура древнерус. города. М., 1989. С. 235–239.